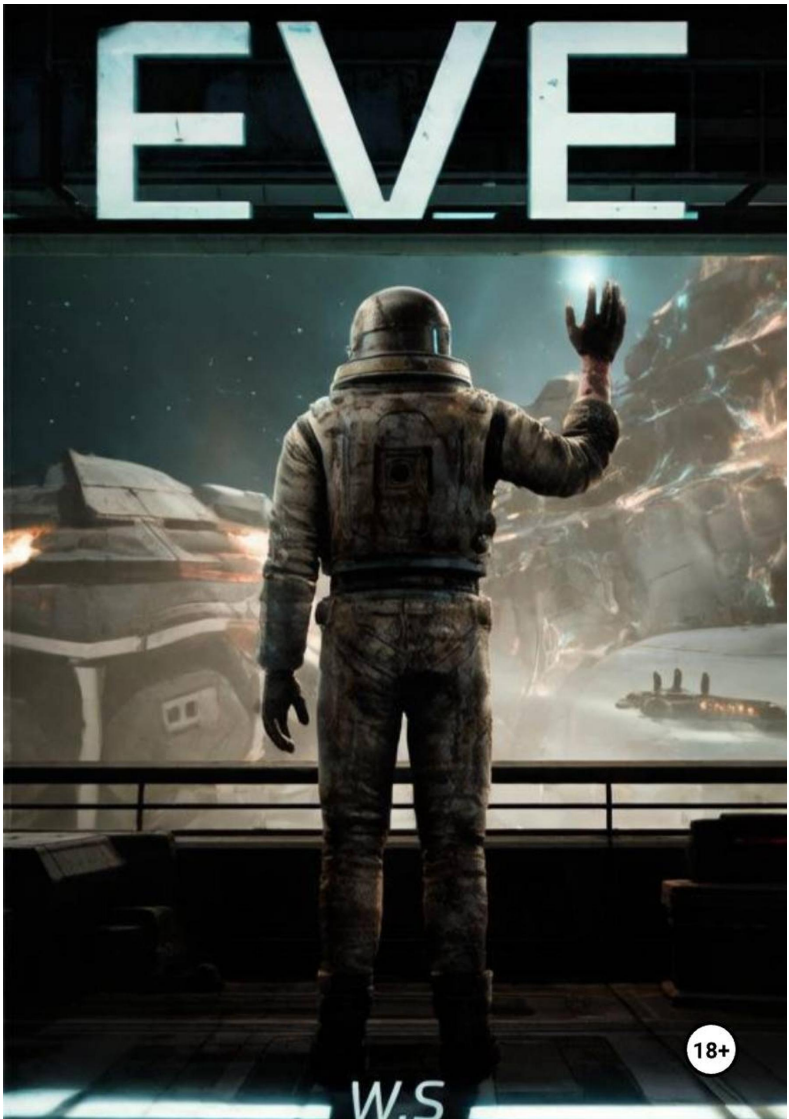
EVE

18+

W.S

Walentin Stark
Протокол Возрождение

https://litres.ru/74731847
SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей Воронов, игрок EVE Online из Челябинска, приходит в себя в чужом теле на станции древней расы Джоув. Голос в голове называет его «кандидатом», импланты вбивают в мозг чужие знания, а за спиной — протокол, уже погубивший семерых. Чтобы выжить, Алексей берётся за контрабанду, проходит через бой флотов Minmatar и Amarr, сталкивается с CONCORD, наёмниками и дневником погибшего предшественника. Но главный враг не в космосе, а внутри: Куратор, древний ИИ, который отбирает «наследников» и превращает их в топливо системы. На станции-ядре Алексею предстоит увидеть, что стало с теми, кто был до него, и решить: стать частью протокола, уничтожить его или найти третий путь. Дом — Челябинск, кухня и остывший чай — остаётся только в памяти; впереди — звёзды, ложь союзников и голос, который не умолкает. Космоопера о цене выбора, чужой памяти и человеке, который отказывается быть инструментом. Первый роман цикла.

Протокол Возрождение

Глава 1. Пробуждение

Первое, что он почувствовал, — холод. Не космический, не смертельный, а чужой: ровный, стерильный, будто его положили на металлический стол в морге и забыли на час. Потом пришёл свет — не белый, а желтоватый, с зеленоватым оттенком, как аварийная лампа в подвале. Алексей попытался открыть глаза и обнаружил, что они уже открыты. Просто он не помнил, как это сделал. Он лежал в капсуле — не в гробу, хотя первое сравнение было именно таким, — а в чём-то среднем между медицинской ванной и коконом: гладкие стенки, тёплая жидкость до подбородка, трубки, уходящие куда-то в шею и запястья. Жидкость пахла озоном и чем-то ещё — сладковатым, металлическим, будто кровь смешали с батарейной кислотой. Стены отсека были круглыми, с рёбрами жёсткости, с панелями, которые светились мягким зелёным. Надписи на панелях он не должен был понимать — но понимал. Не читал, а именно понимал, будто кто-то вложил в голову словарь. «Протокол возрождения», «кандидат», «стабильность сознания» — термины всплывали сами, как подсказки в игре. Только это была не игра. Слишком холодно. Слишком тихо. Слишком реально.

Он попробовал пошевелить рукой. Рука поднялась. Но это была не его рука. Мозоли на пальцах были чужими. Шрам на левом предплечье — не его шрам. И вес тела —

не его вес: легче, суше, будто из него выжали всю воду, которую он накопил за двадцать семь лет в Челябинске, с пивом, пельменями и ночными сменами за компом. Он поднёс ладонь к лицу. Пальцы дрожали. Не от холода — от чего-то более глубокого, от понимания, которое ещё не оформилось в слова. Он попытался вспомнить своё лицо — и не смог. Помнил комнату. Монитор с открытым окном EVE Online — фрегат на орбите, добыча руды, привычный гринд. Кружку с остывшим чаем. Кота на клавиатуре. Помнил Челябинск. Но лицо — как стёрли ластиком. И это было страшнее, чем холод.

Паника поднялась из живота, горячая и острая, но он поймал её на подлёте — привычка, отточенная годами: если что-то идёт не так, сначала проверь вводные, потом паникуй. Вводные были паршивые: тело — не его, место — неизвестно, выход — неочевиден. Он глубоко вдохнул, выдохнул, мысленно проговорил: «Это как в EVE. Ты в клоне. Ты просто в клоне. В игре ты умирал сотни раз. Это не смерть. Это респавн». Но даже эта мысль звучала неубедительно. В игре он не чувствовал холода. В игре он не слышал, как трубки шуршат о кожу. В игре он не боялся. Он сел. Жидкость стекла с плеч, трубки натянулись, но не вырвались — эластичные, будто живые. И в этот момент свет в капсуле мигнул — и стал ярче.

Трубки мягко отсоединились, жидкость начала уходить через слив, и в тишине раздался голос — не громкий, но

отчётливый, будто говоривший находился в сантиметре от уха. Голос был ровный, чуть дребезжащий, с паузами, будто древний, уставший, но всё ещё функциональный.

— Кандидат, вы пришли в себя. Протокол продолжается.

Алексей вздрогнул. Голос был не человеческий — но и не машинный. Что-то среднее. Что-то, что знало, что говорит.

— Кто… кто это говорит? — хрипло спросил он.

— Куратор. Система станции. Ваш голос — временный, как и тело. Это нормально.

Алексей закрыл глаза. Открыл. Тело всё ещё было чужим. Голос всё ещё звучал.

— Нормально? — переспросил он, и в голосе прорезалась злость. — Я в чужом теле. Я не… я не помню, как сюда попал.

— Это тоже нормально. Память восстановится частично. Полностью — вряд ли.

— Слушай, Куратор. — Алексей попытался сесть ровнее. — Я — Алексей. Я из Челябинска. Я играл в EVE. Я не… я не должен быть здесь.

— Вы — кандидат. Это всё, что имеет значение. Остальное — детали.

— Детали? — Алексей сжал кулаки. Чужие пальцы, чужие мозоли. — Я не помню своего лица!

— Лицо — не личность. Личность — это выбор. У вас будет время выбрать.

Алексей хотел ответить — резко, зло, — но слова застря-

ли в горле. Он посмотрел на свои руки. На чужие шрамы. На трубки, которые всё ещё висели на запястьях, как змеи. И тихо, себе под нос, пробормотал:

— Это какой-то сон. Это сон. Я сейчас проснусь, и кот будет орать на клавиатуру…

— Это не сон, — ровно ответил Куратор. — И кот вас не разбудит. Приготовьтесь: будет больно.

— Стоп. — Алексей резко обернулся, хотя оборачиваться было некуда — только гладкие стенки капсулы. — Какая боль? Ты сказал — протокол. Какой протокол? Кто ты вообще такой?

— Я — то, что осталось. Станция. Система. Протокол. — Пауза. — Вы — кандидат. Единственный, кто может завершить начатое.

— Отлично. — Алексей усмехнулся, нервно, криво. — Просто отлично. Я умер, попал в чужое тело, и теперь какой-то древний компьютер говорит мне, что я — «кандидат». Это бред. Это всё бред.

— Вы можете называть это бредом. Но боль будет реальной. — Пауза. — Свет сейчас станет ярче. Постарайтесь не кричать. Хотя это не обязательно.

— Что ты собираешься…

Свет в капсуле вспыхнул — до рези в глазах. Алексей вскрикнул, схватился за виски. Что-то острое, горячее, чужое вошло в голову — не игла, а именно вторжение, будто кто-то копался в его мыслях, раздвигал их, вставлял что-то

своё.

— Твою мать… — сквозь зубы, тяжело дыша. — Твою… мать…

— Дышите. Боль — временна. Знания — постоянны.

Алексей тяжело дышал, пальцы впились в виски. Перед глазами — вспышки. Чужие лица. Чужие голоса. Язык, которого он не знал, — но понимал.

— Я вижу… что-то. Чужие воспоминания. Язык. Я не знаю этот язык, но…

— Понимаете. Это язык Джоув. Теперь он — часть вас.

— Это не мои мысли. — Пауза, тяжело. — Это… кто-то другой. Я слышу его. Он говорит… «Ты не первый».

— Это фрагменты. Предыдущие кандидаты. Не отвлекайтесь.

— Предыдущие? — Алексей поднял голову, зло. — Сколько их было?

— Достаточно. — Пауза. — Вы — следующий. Не первый. Не последний.

Алексей долго молчал. Дышал. Смотрел на свои руки — теперь они казались чуть более «своими», будто импланты приживались, врастали в него. И где-то на периферии сознания — тихая фраза на языке Джоув, которую он понимал без перевода.

— Знаешь, что? — наконец сказал он, тихо. — Я не буду частью твоего «протокола». Я не буду «кандидатом». Я — Алексей Воронов. Я — человек. И я…

— Вы — кандидат. — Куратор перебил, ровно, без эмоций. — Это не должность. Это статус. Синхронизация завершена. Встаньте.

Алексей медленно поднялся. Ноги дрожали. В голове всё ещё звучала фраза на языке Джоув — «Ты не первый. Ты не последний. Ты — выбор». Он посмотрел на пустую капсулу, на трубки, на зелёные панели.

— Что это значит? — спросил он тихо. — «Ты — выбор»?

— Это значит, что протокол продолжается. — Пауза. — Идёмте. У нас мало времени.

— Мало времени. — Алексей усмехнулся, горько. — Конечно. У древнего компьютера — мало времени. А у меня, значит, много?

— У вас — ровно столько, сколько нужно. — Пауза. — Идёмте, кандидат. Станция не будет ждать вечно.

Алексей сделал шаг. Ноги держали. Он остановился, обернулся к пустой капсуле — и тихо, почти шёпотом, спросил:

— Куратор. Один вопрос.

— Слушаю.

— Я вернусь домой?

Долгая пауза. Такая долгая, что Алексей уже понял ответ.

— Это не входит в протокол.

Алексей кивнул. Медленно. Будто ожидал этого. И пошёл вперёд — в коридор, который уходил в темноту, где мигали зелёные огни и пахло озоном и старой кровью.

Отсек встретил его холодом и тишиной. Не той тишиной,

что бывает в пустой комнате, — а той, что стоит в храме, из которого ушли боги. Потолок терялся где-то в темноте — метров десять, не меньше, а то и все двадцать. Свет давали не лампы, а тонкие прожилки в стенах: бледно-голубые, они пульсировали медленно, как вены под кожей. Металл вокруг — не полированный, не военный; он выглядел выращенным. Рёбра арок, плавные переходы, ни одного прямого угла. Всё покрыто тонкой патиной, но патина эта не от времени — она выглядела задуманной. Алексей провёл ладонью по стене: тёплая. Не нагретая — именно тёплая, как живая. Он отдёрнул руку.

Воздух сухой, с металлическим привкусом и чем-то ещё — слабым, почти неуловимым запахом озона и старой электроники. Где-то далеко капала вода. Звук ритмичный, но сбивающийся: кап… кап… пауза… кап. Как метроном, который забыл, зачем он здесь. В отсеке — пусто. Ни кресел, ни панелей, ни экранов. Только капсула позади, несколько тёмных проёмов в стенах и длинный коридор, уходящий вглубь, где свет прожилок тускнел до едва заметного свечения. Пол под ногами чуть пружинил — на грани ощущения, что ступаешь по чему-то живому. Алексей сделал шаг, другой. Эхо отозвалось с запозданием, будто отсек больше, чем кажется.

В дальнем конце коридора вспыхнул огонёк — крошечный, зелёный. И погас. Потом снова. Ритм — как у капель, но чуть быстрее. Будто кто-то считал.

— Кандидат. Вы покинули капсулу. Протокол продолжа-

ется. — Голос теперь был ближе, словно внутри черепа.

Алексей оглянулся, вытер ладони о штаны.

— Ага. Продолжается. Слушай, Смотритель… — пауза. — Тут что, все умерли?

— Станция функциональна. Обитатели — отсутствуют. Термин «умерли» неприменим к тем, кто не был живым в вашем понимании.

Алексей хмыкнул.

— А в твоём понимании?

— Это не входит в протокол.

Алексей пошёл к коридору, заглянул в проём — там было темно, только зеленоватый огонёк пульсировал чаще. Обернулся, будто искал, куда смотреть.

— Ясно. Секретики. — Пауза. — Ладно, а куда мне идти? Или так и будем — ты в голове, я в коридоре?

— Вам нужно пройти процедуру адаптации. Нейроимпланты требуют калибровки. — Пауза. — Коридор ведёт в зал. Там вы получите инструкции.

Алексей не двигался с места, скрестил руки.

— Стоп. Нейроимпланты. Калибровка. А если я откажусь? Что тогда? — усмехнулся, но в глазах — напряжение. — Я ведь могу просто… постоять тут. Подумать.

— Можете. — Ровно, без угрозы. — Но капсула уже закрыта. Кислород в отсеке рассчитан на сорок минут. Вы можете думать… — задержка. — Сколько успеете.

Алексей медленно опустил руки. Посмотрел на закрытую

капсулу. Потом на коридор. Вдох. Выдох.

— Ну вот. А говорил — не враг. — Сделал шаг в коридор. — Ладно. Веди, Смотритель. Но если ты меня сейчас кинешь — я найду способ тебя выключить. Даже если ты в голове.

— Принято. — Огонёк в конце коридора вспыхнул ровнее, будто приглашая. — Следуйте за светом, кандидат. И… — пауза, в которой впервые послышалось что-то похожее на сожаление. — Вам будет больно. Это необходимо.

Медицинский отсек станции Джоув — не операционная, а что-то среднее между креслом стоматолога и алтарём. Алексей лежал на наклонной плите, ремни на запястьях и щиколотках затянуты так, что не дёрнешься. Свет сверху — холодный, белый, без теней. Пахло озоном и чем-то сладковатым, как от горелой проводки.

— Ты — кандидат. Начнём. — Голос — не как у Смотрителя: глубже, с хрипотцой, будто говорил через древний динамик.

Алексей дёрнул ремень, тот не поддался.

— Начнём? Мы даже не познакомились. — Посмотрел вверх, ища глазами источник голоса. — Ты кто вообще? Смотритель мне про тебя не говорил.

— Смотритель — исполнитель. Я — Куратор. Протокол «Возрождение Джоув». — Пауза. — Вопросы позже. Сейчас — имплантация.

Плита под Алексеем вибрировала. Что-то тонкое, как игла, вышло из подголовника и впилось в основание черепа.

Алексей дёрнулся — ремни держали.

— Твою мать… предупредить нельзя было?!

— Предупреждение не снижает болевой порог. — Ровно. — Дыши.

Боль пришла не сразу. Сначала — тепло, почти приятное, растеклось по затылку. Потом — вспышка. Будто в мозг вставили раскалённую спицу и медленно проворачивали. Алексей выгнулся, ремни впились в кожу, из горла вырвался сдавленный рык.

И вместе с болью — чужие картинки. Не его. Кольца газового гиганта, проплывающие слишком близко. Руки — не его руки — на штурвале корабля, которого он никогда не видел. Голос — женский, гортанный, слова на языке, который он не должен знать.

— Что… что это за хрень… — замер. — Я же… я же это понимаю. — Пауза, глаза распахнулись. — Я не должен это понимать.

— Язык Джоув. Базовый пакет. — Едва заметная пауза. — Ты справляешься лучше предыдущих.

Алексей засмеялся — коротко, зло, на грани истерики.

— Лучше предыдущих… — выдохнул. — А что с ними было? Сдохли? Сошли с ума?

— Это не входит в текущий этап протокола. — Голос чуть мягче. — Ещё один импульс. Держись.

Вторая волна — хуже. Боль резала по всему телу, от затылка до пяток, будто под кожу залили кислоту. Алексей

сжал кулаки, ногти впились в ладони. И снова — картинки: тактические схемы, траектории, углы атаки. Инженерные узлы, которые он теперь понимал с полуслова. Как будто в голову закачали учебник — только учебник этот вбивали гвоздями.

Потом — тишина. Боль ушла, оставив послевкусие, как после удара током. Алексей лежал, тяжело дышал, смотрел в потолок. В голове — странная ясность. Он знал, как пилотировать. Знал, как чинить реактор. Знал, как вести бой. Он этого не учил.

— В игре это был бы просто гринд скиллов. — Пауза, сглотнул. — А тут — как будто в череп залили чужую жизнь. — Повернул голову, насколько позволяли ремни. — Куратор. Ты сказал — «базовый пакет». Значит, будет ещё?

— Будет. — Пауза. — Но сначала — проверка. — Ремни ослабли с щелчком. — Встань, кандидат. Посмотрим, чему ты научился.

Алексей медленно сел. Мир вокруг стал чуть ярче, чуть чётче, будто кто-то подкрутил резкость. И где-то на периферии сознания — фраза на языке Джоув, которую он не должен понимать. Но понимал. «Ты не первый. Ты не последний. Ты — начало».

— Начало чего, мать вашу? — шёпотом, ни к кому конкретно.

Глава 2. Корабль и первый бой

Ангар был огромен настолько, что Алексей не сразу по-

нял: это не помещение, это выдолбленная полость в теле станции. Своды терялись в темноте, и лишь редкие прожилки света — те же бледно-голубые вены — очерчивали границы. Воздух холодный, сухой, с запахом металла и чего-то ещё — как от старых книг, которые слишком долго лежали закрытыми. Пол под ногами не ровный: плиты сходились под странными углами, будто ангар проектировал не инженер, а скульптор, которому сказали «функционально» и дали слишком много свободы.

Посреди этого пространства стоял корабль. Алексей остановился и просто смотрел. Он видел его в игре — но то были полигоны и текстуры, а это… Это был хищник, который спит. Корпус не полированный, не глянцевый: матово-серый, с плавными, чуть асимметричными обводами. Ни одной прямой линии, ни одного выступа, который можно было бы назвать «уязвимым». Вдоль бортов — тонкие светящиеся линии, не голубые, а скорее пепельные, как остывающий металл. Корабль выглядел так, будто его не собрали, а вырастили — как раковину, как кость. Под ногами Алексея вибрировал пол — не от станции, нет. Это от корабля. Он дышал.

Алексей подошёл ближе. Новые знания — те, что вбили гвоздями в затылок — подсказывали: обшивка из сплава, который он не может назвать, реактор — гибрид, системы — живые в той мере, в какой «живое» применимо к металлу. Он коснулся ладонью борта. Тёплый. Как стена в отсеке.

Только вибрация сильнее, ровнее, глубже. Алексей закрыл глаза — и на секунду ему показалось, что он слышит что-то на грани: не слова, не звук, а ритм. Медленный, спокойный, как пульс. Он отдёрнул руку. Пульс не прекращался.

— Корабль твой. Он ждал дольше, чем ты можешь представить. — Голос в голове, ровный, как всегда.

— Он… живой? — не оборачиваясь.

— Это не входит в протокол. — Пауза. — Но он признал тебя. Это редкость.

Алексей поднялся по трапу — тот выдвинулся сам, стоило подойти. Внутри — тесно, но не клаустрофобно. Кресло пилота охватило тело, будто подстраиваясь под него. Панели не светились — они проявлялись, когда он проводил над ними рукой. Новые знания всплывали сами: он знал, куда нажать, чтобы запустить реактор, как проверить герметичность, как выровнять тягу. Руки двигались уверенно, хотя он никогда этому не учился.

— Как будто вставили чип… — усмехнулся. — Хотя, наверное, так и есть.

Системы отозвались. На периферии зрения — тонкая пепельная линия: корабль сканировал пространство. Алексей выдохнул. Впервые за всё время — не страх, а что-то похожее на опору. Корабль — единственное, что он понимает. Единственное, что его понимает.

— Первое задание, кандидат. Доберись до Содружества. Там ты найдёшь тех, кто ответит на вопросы. Или попытает-

ся тебя убить. — Пауза. — Разницы немного.

— Обнадёжил. — Посмотрел на сканер — и замер. — Куратор. Ты это видишь?

На сканере — три метки. Не дрейфующие обломки, не станция. Корабли. Двигались медленно, но целенаправленно. К ангару.

— Вижу. Это не по протоколу. — Пауза. — Запускай.

Алексей положил руки на панели, голос — жёстче, чем прежде.

— Ну что ж. Добро пожаловать в первую смену, Леший. — Реактор загудел, корабль вздрогнул, как зверь, поднявший голову. — Поехали.

Ангар вытолкнул корабль в пустоту — и пустота захлопнулась вокруг, как вода. Алексей вжался в кресло: перегрузка ударила в грудь, в глазах потемнело по краям. Корабль шёл ровно, но каждый импульс двигателя отдавался в позвоночнике.

— Спокойно. Это просто разгон. В игре ты даже не замечал разгона. — Сглотнул. — В игре много чего не замечал.

Сканер мигнул: три метки впереди, идут на сближение. Дешёвые корпуса, но их три. Классика — один «танк», два «дамагера». Алексей усмехнулся краем рта, руки сами легли на панели.

— Это тест, кандидат. Не на победу. На выживание.

— Ага. Тест. — Выбрал цель — крайнюю метку, самую наглую. — Тогда начнём с урока.

Он заложил вираж, как делал сотни раз в игре — уход влево, разворот, заход в хвост. Но корабль слушался иначе: инерция тянула сильнее, чем ожидалось, вираж вышел шире, и первый залп противника прошёл впритирку, вспарывая пространство рядом с бортом. Алексея швырнуло в ремни, зубы лязгнули. На панели вспыхнула пепельная линия — щит держал, но просел.

— Не как в игре. Понял. — Перестроил курс, уже аккуратнее. — Спасибо, что не в корпус.

Второй заход. Он не лез в лоб — ушёл ниже плоскости эклиптики, туда, где противники теряют его на секунду. Секунды хватило. Он ударил в корму «дамагеру» — залп короткий, точный. Вражеский корабль вспыхнул, но не развалился, а кренился, теряя ход. И тут же по его борту прилетела ответка от второго.

Удар — физически. Не цифры на экране. Корабль содрогнулся, Алексея вбило в кресло, в ушах — звон, на панели вспыхнуло красным: пробоина в обшивке, разгерметизация секции. Он чувствовал, как корабль вздрагивает, как будто от боли.

— Твою мать… — Стирая с губы — на пальцах кровь, прикусил. — Держись. Держись, родной.

Он больше не думал «как в игре». Он думал: «выжить». Ушёл в перегрузку двигателя — того самого, что Куратор называл «живым». Корабль взревел, вибрация отдалась в костях. Алексей бил по второму противнику в упор, всаживал

заряд за зарядом, пока тот не вспыхнул и не погас.

Третий — «танк» — развернулся и ушёл. Не геройствовал. Алексей проводил его взглядом, но не преследовал. Руки дрожали.

— Один уничтожен, второй ушёл. Твой корабль повреждён. Ресурс двигателя — минус треть. — Пауза. — Ты выжил. Это зачёт.

— А тот, которого я разобрал… — Пауза. — Он был живой? В кабине кто-то был?

— Был. — Пауза. — Это была жизнь, кандидат. Не цифра.

Алексей молчал. Смотрел на обломки, дрейфующие в темноте. Потом — на панель, где мигал красный сектор.

— Ясно. — Голос ровнее, чем ожидал. — Тогда… чинимся. И валим отсюда, пока второй не вернулся с друзьями.

И тут сканер пискнул. Не угроза — сигнал. Слабый, дрожащий: SOS. Откуда-то из-за пояса астероидов. Алексей нахмурился.

— Куратор. Это что?

— Не по протоколу. — Пауза, в которой послышалось что-то новое. — Но, возможно, полезно. Решай сам, кандидат.

Алексей смотрел на сигнал. Потом на пробоину. Потом снова на сигнал.

Руки всё ещё тряслись. Я смотрел на них и не мог остановить. В игре после боя ты просто смотришь на убыль щита и ждёшь отката. Тут — кровь на губе, гул в ушах, и чувство,

что я только что убил человека. Не «игрока». Не «пирата». Человека в кабине, который, может быть, тоже хотел выжить. Меня мутило — и не от перегрузки.

Но я был жив. И это главное. Я жив, корабль держится, и у меня есть секунда подумать. В игре это был бы просто гринд — ещё один бой, ещё одна строчка в логе. Тут каждая царапина на обшивке — как моя собственная. Я не могу позволить себе ошибиться ещё раз. Слишком мало ресурсов. Слишком мало меня.

Сигнал SOS. Кто-то просит помощи. По-хорошему — пройти мимо. У меня дыра в борту и двигатель на трети. Но если я пройду мимо — кем я тогда буду? Тем, кто выжил любой ценой? Или тем, кто остался человеком?

Я не знал ответа. Но я уже менял курс.

— Куратор. Я иду к сигналу. Если это ловушка — я запомню, что ты меня не отговорил.

— Принято. — Пауза. — Держись ближе к астероидам. Там тебя не достанут так просто.

Корабль вздрогнул и ушёл в тень пояса.

— Так. В игре я бы просто… активировал щит, поставил орбиту, включил орудия. Поехали. — Усмехнулся, но без веселья. — Только вот щит уже просел, орбита — не орбита, а грёбаный дрейф, и орудия греются, как печка.

— Ты используешь старые модели. Это нормально. Организм и импланты ещё синхронизируются.

— «Синхронизируются». — Качая головой. — Звучит как

«ты ещё не привык, парень, так что не удивляйся, если что-то пойдёт не так». — Пауза. — Слушай, Куратор. Тот пират. Я его не предупредил. Не дал шанса. Просто всадил заряд в корму, и всё.

— Он бы не дал тебе шанса. Это война, кандидат. Не дуэль.

— В игре это было проще. Там были пиксели. — Смотрел на обломки за кормой. — А тут — обломки и тишина. И я не знаю, как это… переварить.

— Привыкнешь. Или сломаешься. Третьего не дано. — Пауза. — Сигнал SOS усиливается. Источник — грузовой корабль, дрейфует. Слабые энергопоказатели. Возможно, живые.

— Живые. — Выпрямился, сбрасывая оцепенение. — Ладно. Значит, не зря я свернул. — Положил руки на панели. — Веди, Куратор. И если это ловушка — я тебя предупредил.

— Принято. — Едва заметная пауза. — И, кандидат… ты справился лучше, чем я ожидал. Это не комплимент. Это факт.

— Спасибо, мама. Очень тепло. — Но уголок рта всё-таки дёрнулся вверх.

Корабль ушёл глубже в тень астероидов, оставляя за кормой обломки, тишину и вопрос без ответа.

Глава 3. Станция Minmatar

Станция собиралась из того, что было под рукой, — и это

было видно. Корпус сварен из разнородных плит: где-то ржавая сталь, где-то обшивка явно снята с более старого корабля, а поверх — заплатки, заплатки, заплатки. Сварка грубая, швы выпуклые, будто шрамы. Внутри — теснота, низкие потолки, кабели вдоль стен, перевязанные стяжками, как вены на руке наркомана. Свет — жёлтый, мигающий, с гудением, от которого начинала болеть голова через десять минут. Пахло соляркой, потом и дешёвым синтетическим кофе. Где-то орала музыка — тяжёлая, ритмичная, на грани слышимости.

Док встретил Алексея гулом и суетой. Мимо сновали грузчики в экзоскелетах, торговцы с лотками, двое спорили у контейнера — на языке, который импланты опознавали как миниматарский, но переводили с задержкой, как плохой субтитр. Алексей шёл медленно, руки в карманах куртки — не своей, купленной в магазине при доке за остатки наличности, которую дал Куратор. Куртка была великовата, зато не бросалась в глаза. Он старался ступать так же, как все: чуть вразвалку, без спешки.

Корабль он загнал в дальний док, за старый танкер, который явно не сдвинется с места никогда. Маскировочный чехол — грубый брезент, весь в масляных пятнах, — натянут криво, но сойдёт. Пусть думают, что это металлолом на продажу. Импланты подсказывали: стоянка оплачена на трое суток. Дольше — риск.

У стойки бара Алексей взял кружку чего-то горячего и сел в угол, спиной к стене. Привычка — ещё из прошлой жизни,

а может, и из игры. Наблюдал. Слушал.

За соседним столом двое — пилоты, судя по нашивкам на куртках, — спорили о работе. Один, с седым ёжиком, качал головой: «Говорю тебе, её видели у границы. Пепельные огни, ни одного опознавательного знака. Такие не летают». Второй фыркнул: «Джоув. Всегда Джоув. Как будто их кто-то видел». Первый стукнул кружкой по столу: «Видели. И не просто видели — за неё уже назначена цена. Флоты в очередь встают». — «Кто назначает-то?» — «А вот это самое интересное. Никто не знает. Но платят».

Алексей не менялся в лице. Делал глоток. Кофе горький, обжигал. Он смотрел на сканер — тот в кармане, вибрировал тихо, как сердце. На экране — никого. Пока.

Чуть дальше, у входа в док, трое в одинаковых серых комбинезонах разговаривали с диспетчером. Один показывал планшет. Диспетчер качал головой, потом кивнул в сторону дальних доков. Трое пошли туда. Алексей проводил их взглядом. Рука сама потянулась к карману.

Вот и всё. Не показалось.

Я сидел в баре на станции, где каждая вторая сделка — это либо контрабанда, либо заказное убийство, и пытался не выделяться. Получалось хреново. В игре ты мог просто зайти на станцию, поставить корабль в док и уйти по делам. Никто не искал твой корабль по всему докам. А тут — искали. И, судя по тому, как они разговаривали, искали не просто корабль. Искали того, кто за штурвалом.

Импланты в голове работали тихо, но я их чувствовал. Как будто кто-то другой смотрел моими глазами и отмечал: вот тот — с оружием, вот тот — наблюдатель, вот эти трое — не местные. Полезно. И жутко. Я не знал, где заканчиваюсь я и начинается это «кто-то». Может, уже и не начинался.

В игре за мной бы никто не охотился. Максимум — ганкеры у ворот. А сейчас за мной охотились всерьёз, и я даже не знал, кто. Это уже не гринд. Это охота. И я — дичь.

И самое паршивое: я всё ещё хотел домой. В Челябинск. К остывшему чаю и дурацкому монитору. Но домой я не вернусь, пока не пойму, что за хрень со мной происходит. И, кажется, единственный способ выжить — это перестать быть дичью.

Мира села напротив без приглашения — невысокая, темноволосая, со шрамом через бровь, глаза цепкие.

— У тебя проблемы, пилот. — Положила локти на стол, наклонилась ближе. — Но я могу помочь.

Алексей не отстранился, но и не расслабился.

— Помочь. — Смотрел на неё поверх кружки. — А ты, значит, тут просто мимо шла и решила — дай помогу незнакомцу. Бескорыстно.

Мира усмехнулась, уголок рта дёрнулся.

— Ну, не совсем бескорыстно. — Кивнула в сторону дальних доков. — Те трое в сером. Знаешь, кто они? Наёмники. Ищут корабль. Тот самый, который ты так старательно накрыл брезентом.

Алексей поставил кружку. Медленно.

— И с чего ты решила, что этот корабль — мой?

— С того, что ты сидишь спиной к стене, пьёшь кофе, которого не заказал, и смотришь на сканер так, будто он сейчас взорвётся. — Наклонила голову. — Я не враг, пилот. Я торговец информацией. И сейчас у меня есть информация, которая тебе нужна. Вопрос — что ты готов за неё дать.

— Пауза, потом тихо. — Сначала скажи, что за корабль и почему за ним охота.

— Это Джоув. Настоящий. Не муляж. — Понизила голос. — И за него платят столько, что даже я задумалась, не сдать ли тебя. — Прямо посмотрела в глаза. — Но я не сдаю. Я продаю. И у меня есть план, как вытащить тебя и твой корабль отсюда живыми. — Пауза. — Если тебе интересно.

Алексей молчал. Смотрел на неё. Потом на дальние доки. Потом снова на неё.

— Допустим, интересно. Но если ты меня сдашь — я найду тебя. Даже если придётся сжечь эту станцию дотла.

Мира улыбнулась — впервые искренне, хоть и криво.

— Вот это уже деловой разговор. — Протянула руку. — Мира. Без фамилии. Пока.

— Леший. Тоже пока без фамилии. — Пожал — коротко, крепко.

Технический уровень станции — это не коридоры, а кишки. Узкие проходы между трубами, кабелями и кожухами, где потолок нависал так низко, что Алексей шёл вполнаклон-

ку. Свет — аварийный, красноватый, с длинными паузами между вспышками. Пахло горячей изоляцией, ржавчиной и чем-то кислым, будто где-то пролили растворитель и забыли вытереть. Пол — рифлёный металл, стёртый до блеска в местах, где ходили чаще всего. Под ногами хлюпало — где-то сочился конденсат.

Алексей шёл быстро, но не бежал. Бег привлекает внимание. Куртка застёгнута, капюшон натянут, руки в карманах — одна на сканере, другая на рукояти короткого ножа, купленного у торговца на рынке за половину оставшихся денег. Импланты в голове работали тихо, как радар: отмечали звуки, шаги, дыхание за спиной. Он не оборачивался. Пока.

За спиной — шаги. Не случайные, не пьяные, не грузчицкие. Ровные, размеренные, с одинаковым интервалом. Двое. Может, трое. Алексей свернул в боковой проход — шаги повторили. Он ускорился — шаги тоже. Он остановился у стены, сделал вид, что проверяет панель. Шаги замерли за поворотом. Ждали.

— Куратор. У меня хвост. — Тихо, вглубь канала.

— Знаю. Они не из CONCORD. Наёмники. Те же, что искали корабль. Следят с момента, как ты сошёл с трапа.

— И ты молчал? — Сквозь зубы.

— Ты не спрашивал. — Пауза. — Кроме того, это тест. Не провали.

Алексей выдохнул. Медленно. Оглянулся — в проходе никого, но он чувствовал взгляд, как прикосновение к за-

тылку. Импланты подсказывали: один за поворотом, второй, возможно, обходит с другой стороны. Классическая вилка. В игре он бы просто ушёл в варп. Тут варпа не было.

— Ладно. В игре я бы просто… — Оборвал себя, качая головой. — Не в игре. Думай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.